

ЕЩЕ РАЗ О СТАТЬЕ КЕРОВБЕ КУШНЕРЯНА
«ТАРАС ШЕВЧЕНКО—НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТ МАЛОРОССИИ»

С. Г. АМИРЯН

Среди сравнительно небольшого числа статей о Тарасе Шевченко, опубликованных в армянской дореволюционной печати, статья Керовбе Кушнеряна «Тарас Шевченко—национальный поэт Малороссии» выделяется тем, что это первая статья на армянском языке о великом народном поэте Украины, содержащая первые же переводы некоторых его произведений на армянский язык. Появилась она далеко за пределами Армении, в Венеции, в журнале «Базмавен» в 1879 году, в связи с 65-летием со дня рождения Шевченко. Долгое время в армянском литературоведении статья и переводы К. Кушнеряна считались вообще первой армянской публикацией о Шевченко¹ и как таковые отмечались и изучались почти во всех работах наших шевченковедов, а также упоминались в юбилейных выступлениях писателей и критиков.

Впервые в армянской печати о статье и переводах К. Кушнеряна упомянул литературовед Ваграм Терзибашяц, выступивший к 125-летию со дня рождения Тараса Шевченко с циклом статей о связях поэта с армянской литературой. В них излагалось содержание статьи К. Кушнеряна, анализировалось качество его переводов, была установлена фамилия автора (статья была подписана инициалами К. К.), приводились некоторые сведения о нем. Известно, что Кушнерян взял эпитафией к своей статье слова Э. Дюрана из его статьи «Le poete national de la Petite-Russie (Chevtchenko)», опубликованной в 1876 году в парижском журнале «Revue des deux Mondes» (№ 15). Это обстоятельство, как и совпадение названий обеих статей, дало В. Терзибашяцу повод заключить, что Кушнерян был знаком с названной статьей Э. Дюрана и целиком солидарен с ее автором в высокой оценке творчества украинского поэта. Такое объяснение было принято и повторялось впоследствии нашими шевченковедами, не допускавшими мысли об идентичности этих статей. Впервые сомнения возникли у нас, когда, знакомясь с работами украинских шевченковедов, мы обнаружили сходство встречающихся в них цитат из статьи Дюрана с соответствующими местами

¹ Обнаруженные в последние годы материалы дали возможность перенести дату первой армянской публикации о Шевченко на 18 лет назад. Это статья «Тарас Григорьевич Шевченко» и переводы на русский язык одиннадцати стихотворений поэта, опубликованные в 1861 г. на страницах журнала «Радуга» (№ 4, 5, 7), выходившего в Феодосии как русское приложение к журналу «Месяц Агавни». Как статья, так и переводы принадлежат П. Дьяченко. Эта публикация, представляющая ныне лишь историко-литературный интерес, сыграла в свое время определенную роль в ознакомлении армянского читателя с жизнью и творчеством великого украинского поэта.

кушнеряновской статьи. Сопоставление обеих статей (полные комплекты журнала «Revue des deux Mondes» за эти годы хранятся в Ереванской публичной библиотеке) подтвердило наши предположения: действительно, статья К. Кушнеряна «Тарас Шевченко—национальный поэт Малороссии» представляет собою перевод статьи Э. Дюрана. Как и у французского автора, она начинается описанием географического положения Украины, крупнейшим писателем которой называется Шевченко; говорится о выдающемся природном таланте поэта и его роли в собирании и обработке украинских народных песен, в связи с чем он сравнивается с Гомером, после чего речь идет об огромной популярности поэта среди соотечественников. Затем дается довольно подробный обзор истории Украины. Следующий раздел посвящен биографии Шевченко, здесь подчеркивается социальная направленность его произведений. Затем автор переходит к обрисовке поэтического облика Шевченко, определяя основные черты поэтики следующим образом: героический пафос и гневный накал, с одной стороны, и нежный лиризм и мягкая задушевность — с другой. И лишь заключительную часть статьи Дюрана он отбросил, вынеся в качестве эпитафии конец последней фразы. За исключением перестановок некоторых абзацев у К. Кушнеряна сохранены последовательность изложения и логика мысли французского автора.

Чем же объяснить, что переложение Кушнеряна так долго воспринималось как самостоятельная статья? Только ли тем, что сам переводчик не назвал оригинал и его автора (фамилия Дюрана приводится у Кушнеряна лишь под упомянутым эпитафией)? Думается, что нет. Дело в том, что и по тексту Кушнеряна трудно догадаться, что это перевод. Желая, по-видимому, приспособить статью французского литератора к пониманию и восприятию армянских читателей и соотнести ее с собственным мирозерцанием, К. Кушнерян внес в текст Дюрана армянские аналогии, а также свои интерпретации и суждения по ряду вопросов, придав ему армянский колорит, целиком перечеркнувший колорит французский (за исключением, пожалуй, некоторых французских слов, которые Кушнерян сохранил, затрудняясь, по-видимому, перевести их—*classique*, *franc-lireur*, *Grande-Russie* и др.). Вот некоторые примеры такой переработки.

1. Давая общую характеристику украинской литературе, Э. Дюран находит, что Малороссия с литературной точки зрения находится в таких же соотношениях с Великобританией, как Прованс с Францией. Он сравнивает Шевченко с провансальскими поэтами Мистралем и Руманисом, подчеркивая, однако, что значение и популярность украинского поэта среди своих соотечественников намного больше. Не имея возможности приводить такие параллели на почве армянской литературы, К. Кушнерян сопоставляет языки. По его мнению, малороссийский язык так же относится к великорусскому языку, как пошпаловский говор² к

² Разговорный язык румынских армян. Ошибочность подобных суждений сейчас очевидна и не нуждается в опровержении.

письменному ашхарабару или разговорный итальянский язык венецианцев к тосканскому языку.

2. Рассказывая об огромной популярности Шевченко среди украинцев, Дюран сравнивает ее с популярностью Вольтера среди французов. «Все просвещенные французы,—пишет он,—что бывают как путешественники или туристы близ Ферне, почитают за долг бросить хотя бы беглый взгляд на те места, где жил Вольтер, на сад с его любимой лужайкой, на аллею из высоких деревьев, которая вела к его скромному замку. Все, к чему прибегают у нас просвещенные французы, чтобы почтить память Вольтера, все это делается на Украине по отношению к Шевченко, причем со стороны широчайших масс народа, в том числе беднейшего и особенно наиболее беднейшего».

Аналогичную параллель проводит Кушнерян, но уже на армянском материале. Он говорит о почитании памяти Месропа Маштоца со стороны армян: «Если путешественник-армянин, имеющий счастье знать более или менее о национальной письменности, покинув чужие берега, ступит на родную землю, чтобы покружить по Араратской долине, он, несомненно, найдет и найдет могилу праотца армянской письменности вардапета-подвижника св. Месропа. Мысленно он вознесется ввысь и полетит за тысячу и пятьсот лет назад, и пред глазами его предстанет, согласно его воображению, конечно, образ того прославленного мужа, который, помимо его собственных личных достоинств, каковыми были его подвижническая жизнь и святость, уже достаточные для того, чтобы тронуть и покорить чувствительное сердце, воплощает описанного нами мужа, сумевшего вывести миллионный народ из неграмотности к свету письменности, из тьмы невежества—к правде знания. И если наш путешественник будет сведущ в национальной сокровищнице, или, что то же—в песеннике Шаракан, он, несомненно, пробормочет с блаженным покаянием сжимающие сердце вдохновенные строки вардапета:

Море жизни всегда обуревают меня...

Воздвигает враг валы на меня.

Добрый кормчий, ты—оборони меня³ и т. д.

Но то, что делают в нашей нации отдельные лица, чья память Месропа, то же делают все малороссы вообще, вплоть до последнего нищего, поклоняясь памяти и могиле своего поэта Тараса Шевченко».

Как видим, параллель К. Кушнеряна не только более пространная, но и более эмоциональная. А вот примеры переработок иного рода.

1. Характеризуя воинскую доблесть украинских казаков и определяя их историческую миссию, Э. Дюран называет их новыми крестоносцами, которые «оказали истинную услугу цивилизации, остановив продвижение турок со стороны Востока». При этом он отмечает большую целеустремленность казаков по сравнению с крестоносцами, о которых

³ Пер. Б. Брюсова.

пишет: «Все ли эти герои защиты святой веры во время долгих крестовых походов сделались святыми и защитниками исключительно из интересов христианства? По-видимому, нет; большинство из них были привлечены туда благодаря своему авантюристическому темпераменту и лишь некоторые—из религиозных чувств». Видимо, такое «вольномыслие» по отношению к воинам за гроб господень «не приличествует» духовному сану нашего автора, да и направлению самого журнала, и он обходит это место. И, напротив, переведя то место, где говорится о союзе Богдана Хмельницкого с турками, К. Кушнерян добавляет слова «итак, пришлось ему обратиться к этой крайней мере», отсутствующие у французского автора, для которого этот союз не был, разумеется, крайней мерой.

2. Особенно ярко и рельефно проявилась личность переводчика в трактовке поэмы «Мария», разительно отличающейся от трактовки Э. Дюрана. Содержание этой поэмы, написанной Шевченко в последние годы жизни и запрещенной к печати, проникнуто религиозным и политическим вольномыслием, что сближает ее с «Неофитами» самого Шевченко, с пушкинской «Гаврииладой» и другими атеистическими произведениями этого ряда. Используя евангельскую легенду о рождении Христа, Шевченко смело переводит ее в реально-бытовой план, создав глубоко человеческое произведение, направленное против религиозных догматов. Примерно так и характеризует его Э. Дюран, который пишет: «Шевченко отважился трактовать с наивной простотой некоторые события в истории человечества—мы говорим о рождении Христа в его поэме, названной Мария. Этот рассказ он ведет в чисто человеческом аспекте, без каких-либо черт сверхъестественного... В Марии поэт находит средство изменить известный сюжет, придав ему идею, быть может, ошибочную, но глубокую и гуманную. В Евангелии, а вслед за ним у всех христианских поэтов Пречистой деве придается роль бледная и пассивная, у него же (Шевченко.—С. А.), напротив, мы видим эту мать внушающей маленькому Иисусу, что в один день он станет спасителем мира...» и т. д. Затем у Дюрана идет пересказ содержания поэмы.

Характеристика же, данная поэме «Мария» Кушнеряном, более резкая и лаконичная: «Осмелился также Шевченко с казацким воображением написать о почитаемых христианской святой религией исключительно возвышенных и светлых таинствах. Это написанная им по поводу Рождества Христова поэма под названием Мария, которая попала в список запрещенных произведений». И далее он «обобщенно» резюмирует: «Относительно этой поэмы мнение мое таково, что вместо того, чтобы подвергнуть ее критике, я считаю нужным повторить Шевченко то, что сказал художник Апеллес сапожнику, критику своих картин». То есть автор статьи в «Базмавепе» полагает, что Тарас Шевченко «не компетентен» в евангельских сюжетах. Конечно, трудно требовать от К. Кушнеряна, лица духовного, других суждений о поэме, за написание которой Шевченко еще при жизни обвинялся церковниками в святотатстве.

Ранее нами уже отмечалось⁴, что в своей статье Кушнерян арменизировал собственные украинские имена («Иван»—«Ионджан», «Катерина»—«Катаринэ» и т. д.). Переделаны на французский лад украинские имена у Дюрана. Любопытно также, что наш автор, в отличие от Дюрана, приводит украинские реалии лишь в том случае, если рядом с ними может поставить их армянские аналоги («кобза», «бандура»—«кнар», «кобзарь»—«ашуг», «кнараһар»); не найдя такого аналога к слову «курган», он его переводит как «холм», в то время как у Э. Дюрана «курган» не раз используется. Как и Дюран, К. Кушнерян ввел в свой текст и такие слова-понятия, как «Сечь», «сотня», «кошевой», «гетман», «голова», «зсметво», «казачок», «думка» и др.

И, наконец, следует сказать, что текст Э. Дюрана в переводе К. Кушнеряна существенно сокращен (примерно на одну треть) и адаптирован. Сокращения произведены за счет тех фрагментов, которые не имеют прямого отношения к жизни и творчеству Тараса Шевченко или же являются иллюстрированным материалом к нему. Так, отброшен, например, фрагмент, где говорится об истоках русской и украинской литератур. Если у Дюрана Гоголь упоминается несколько раз—как великий русский писатель украинского происхождения, автор «Мертвых душ» и «Тараса Бульбы», то у Кушнеряна—лишь один раз.

В своей статье Дюран, а вслед за ним и Кушнерян широко использовали «Автобиографию» Т. Шевченко, впервые опубликованную в журнале «Народное чтение» (1860, № 2), а также воспоминания о Шевченко Тургенева, Я. П. Полонского и других знакомых поэта. И на это были свои причины.

Французский культурный деятель Эмиль-Александр Дюран (Гревиль, 1838—1890), преподававший в 60-х годах французский язык в Петербургском университете, был знаком со многими русскими писателями, в том числе и с Тургеневым, по предложению которого он и написал свою статью о Шевченко. В статье Е. П. Кирилюка «На путях к мировому признанию» читаем об этом следующее: «И. С. Тургенев познакомил Э. Дюрана с украинской деятельницей Софией Русовой, муж которой, А. Русов, вместе с Ф. Вовком издал «Кобзарь» в Праге. Статья в парижском журнале представляет собой рецензию на пражское издание. Но фактически она вышла за пределы рецензии и является статьей о Шевченко, написанной при ближайшем участии С. Русовой»⁵. Предисловием к этому пражскому изданию «Кобзаря»⁶ (описание его приведено в статье Дюрана сразу же после названия) и явились «Автобиография» Т. Шевченко, а также воспоминания о поэте («Споминки про Шевченка») И. С. Тургенева, Я. П. Полонского (I т.), Н. Костомарова, художника М. Микешина (II т.), которые использовал Дюран. По вы-

⁴ С. Амрян, Армяно-украинские литературные связи, Ереван, 1972, стр. 75.

⁵ «Шевченко и мировая культура. К 150-летию со дня рождения», М., 1964, стр. 184.

⁶ Т. Г. Шевченко, Кобзарь. У Празі, 1876. Издание было двухтомным: в I т. вошли произведения Т. Шевченко, изданные в России, во II т.—произведения, запрещенные в России или сильно сокращенные цензурой.

использованным причинам больше других использованы воспоминания Тургенева. Однако статья французского литератора написана, к сожалению, под сильным влиянием тургеньевских воспоминаний и в той ее части, где определяется общечеловеческое значение творчества Шевченко. Особенно сильно это сказалось в заключительной фразе: «Мы завершаем здесь этот этюд и эту серию цитат, достаточных для того, чтобы установить, что Тарас Шевченко, если он и не так значителен, как считают некоторые из его соотечественников, тем не менее большой поэт и достоин перешагнуть границы своей страны и быть признанным по всей Европе»⁷.

В своем тексте К. Кушнерян, как мы уже говорили, отбросил концовку Дюрана, взяв лишь вторую часть заключительной фразы и перенес ее в качестве эпиграфа вперед: «Тарас Шевченко—великий поэт и достоин быть признанным также за пределами своей родины, во всей Европе». Этим он как бы дважды подчеркивал, что общечеловеческое значение великого украинского поэта не подлежит сомнению. Конечно, сейчас, когда мировое значение творческого наследия Шевченко общепризнано, заслуга нашего автора может показаться невеликой, но вспомним, что это признание пришло к поэту не сразу⁸. То обстоятельство, что в 70-х годах прошлого века об этом заговорил автор первой публикации о Шевченко на армянском языке, представляется нам немаловажным.

Как же обстоит у Кушнеряна дело с переводом художественных текстов, соответствуют ли они текстам, избранным для перевода Э. Дюраном, и что послужило для них первоисточником, французские ли переводы или украинские оригиналы? Сопоставление художественных текстов в обеих статьях позволяет нам сделать следующие выводы: произведения Шевченко, переведенные К. Кушнеряном, не целиком совпадают с произведениями, переведенными Э. Дюраном. Статья Э. Дюрана содержит перевод или пересказ следующих произведений: «Гамалія» (отрывок), «Гайдамаки», «Катерина», «Наймичка», «Марія», «Думка» («Нащо мені чорні брови...»), «Садок вишневый коло хати...» (названный по пражскому изданию «Вечір»). К. Кушнерян перевел «Заповіт» (восемь начальных строк), «Думку» («Нащо мені чорні брови...»), отрывки из поэм «Гамалія» (начало—41 строку) и «Марина»

⁷ Ср. эти слова со следующим местом из «Воспоминания...» Тургенева: «Галант его (Шевченко.—С. А.) привлекал нас своею оригинальностью и силой, хотя едва ли кто-нибудь из нас признавал за ним то громадное, чуть ли не мировое значение, которое, не обвиняясь, придавали ему находившиеся в Петербурге малороссы» (И. Тургенев, Соч. в 15-ти томах, т. 14, М.—Л., 1967, стр. 228).

Нужно сказать, что «Воспоминания...» И. С. Тургенева, написанные через 15 лет после событий, о которых шла в них речь, не совпадают по тональности с письмами того же автора, относящимися к 1859—1861 гг., где он проявляет больший интерес к возрождению украинской национальной культуры и к творчеству Шевченко, в частности.

⁸ См. Е. Кириллюк. На путях к мировому признанию. «Шевченко и мировая культура».

(20 строк) и поэму «Мар'яна-черниця», почти всю (поэмы «Гайдамаки», «Катерина», «Наймичка», «Тополя», «Невольник» у К. Кушнеряна только упомянуты).

Среди переводов Кушнеряна прежде всего бросается в глаза перевод «Завещания», отсутствующий у Дюрана. Этот первый армянский перевод замечательной шевченковской исповеди⁹, хотя и не полный, все же дает представление о желании поэта быть погребенным на горячо любимой родине. Дюран приводит содержание восьми начальных строк, но само стихотворение упоминает как «одну из думок» поэта.

И напротив, К. Кушнерян не включил в свои переводы стихотворение «Садок вишневий коло хати...», удостоившееся особого внимания французского переводчика. Последний, помимо того, что дал поэтический перевод этой жемчужины шевченковской лирики (единственный среди прочих переводов), привел также воспоминания Тургенева о первом чтении ее самим автором: «Только раз, помнится, он прочел при мне свое прекрасное стихотворение «Вечір» («Садок вишневий...» и т. д.) — прочел его просто, искренне; сам он был тронут и тронул всех слушателей: вся южнорусская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя, бывшая в нем, тут ясно выступила на поверхность». Далее он присовокупляет: «Творение, которое так преображает своего автора, не может быть заурядным; но как перевести на презренную прозу эти мимолетные чувства? Жерар де Нерваль, мастер стиля, горюил, однако, по поводу своих переводов из Генриха Гейне: «Это свет чучела луны». Последняя фраза объясняет, пожалуй, почему Дюран не считал нужным дать поэтические переводы и других произведений Шевченко, ограничившись или их прозаическими переводами («Гамалія», «Думка») или пересказом содержания («Гайдамаки», «Катерина», «Наймичка», «Марія»).

Что касается Кушнеряна, то все его переводы поэтические, вследствие чего они имеют и самостоятельную художественную ценность. За исключением «Думки», которая переведена на грабар, все произведения переведены на язык крымских армян. Эти переводы, к сожалению, сейчас не включаются в издаваемые у нас шевченковские сборники, хотя и некоторые произведения, как, например, «Гамалія», впоследствии не переводились¹⁰.

Указанные обстоятельства — несоответствие текстов у обоих переводчиков и разное качество переводов — приводят нас к мысли, что Кушнерян, без сомнения, пользовался текстами украинских оригиналов, скорее всего тем же пражским изданием «Кобзаря», куда, как уже сказано было, вошли «Завещание» и другие запрещенные произведения

⁹ Кроме второго дореволюционного (также неполного) перевода «Завещания», принадлежащего А. Хижоину, известны еще пять переводов полного текста этого стихотворения, появившиеся в советские годы.

¹⁰ Переводы Кушнеряна из Шевченко вошли также в его посмертный сборник «Притчи, антология и автографы», изданный в 1904 году в Венеции.

поэта¹¹. В богатую библиотеку Мхитаристов, постоянно пополнявшуюся новыми книгами, это издание, несомненно, могло попасть. К тому же, будучи уроженцем Крыма, владея русским и украинским языками, Кушнерян был в состоянии пользоваться текстами оригинала.

Таким образом, и интенсивная переработка критического текста, и качество художественных переводов придали статье Кушнеряна вид самостоятельный, оригинальный. Кстати, наш автор не был единственным, использовавшим статью Дюрана как прототип. Вот что пишет Е. П. Кириллук в уже упоминавшейся нами работе: «Статья, помещенная в парижском журнале, стала известна во многих зарубежных странах. Изложение статьи Э. Дюрана дал Стивенс в нью-йоркском журнале «The Galaxy» (т. XXII, стр. 537—543). В меньшей мере она была использована автором статьи без подписи «Южнорусский поэт» в лондонском журнале «All the Year Round» (1877, т. XVIII, № 440, стр. 220—224). Некоторые авторы приписывают ее Диккенсу, основавшему журнал. Но Диккенс не мог быть автором этой статьи по той простой причине, что он умер в 1870 г.». ¹²

Статья Кушнеряна, тоже являющаяся изложением или армянским вариантом статьи Дюрана, сыграла в свое время большую роль в ознакомлении широких кругов армянских читателей с жизнью и творчеством великого украинского поэта. Она всегда будет сохранять за собой право первой публикации о Тарасе Шевченко на армянском языке.

ԴԱՐՉՅԱԼ ՔԵՐՈՎԲԵ ՔՈՒՇՆԵՐՅԱՆԻ «ԹԱՌԱՍ ՇԵՎՉԵՆԿՈ—
ԱՂԳԱՅԻՆ ԲԱՆԱՍՏԵՂԻ ՓՈՔՐ ՌՈՒՍԻՈ» ՀՈԳՎԱԾԻ ՄԱՍԻՆ

Ս. Դ. ԱՄԻՐՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

Քերովբե Քուշներյանի հիշյալ հոդվածը («Բազմավեպ», 1879, № 37), որն ընդգրկում է նաև Շեչենկոյի որոշ ստեղծագործությունների հայերեն թարգմանությունները, հանդիսանում է էմիլ Դյուրանի «Le poète national de la Petite-Russie Chevtchenco» („Révue des deux Mondes“, 1876, № 5) հոդվածի թարգմանությունը: Այն գրվել է Ի. Ս. Տուրգենևի հանձնարարությամբ՝ որպես գրախոսական 1876 թ. Պրագայում հրատարակված «Կոբզարի» մասին: Քուշներյանը զգալի չափով կրճատել է ֆրանսիական բնագիրը, օժտել այն հայերենի լեզվա-ոճական, հնչերանգային առանձնահատկություններով, նաև համեմատա սովելի ինքնուրույն է եղել զեղարվեստական տեքստերի թարգ-

¹¹ О том, что Кушнерян пользовался пражским двухтомным изданием «Кобзаря», есть прямое указание и в тексте его статьи: «Шевченко... издал двухтомник стихотворений под названием Кобзарь...». (По-видимому, Кушнерян, имея дело с пражским изданием, полагал, что «Кобзарь» с самого первого издания был двухтомным).

¹² «Шевченко и мировая культура», стр. 184.

մանությունների մեջ: Եթե է. Ռյուրանը հիմնականում կատարել է արձակ թարգմանություններ, կամ տվել է Շևչենկոյի ստեղծագործությունների ազատ վերաշարադրությունը (դիտելով դրանք սոսկ որպես իր հոգվածի հավելումներ), ապա Քուչներյանի մոտ այդ թարգմանություններն ունեն ինքնուրույն գեղարվեստական արժեք: Այս ամենը հիմք է տալիս եզրակացնելու, որ Քուչներյանի հոգվածը, լինելով հանդերձ է. Ռյուրանի հոգվածի ուրույն մի տարբերակը, պահպանում է Շևչենկոյի մասին հայերեն լեզվով առաջին հոգվածը լինելու իր իրավունքը: